

А.С.СКУРТУЛ
(Украина)

Эмиграция и метаистория

Осмысление исторических судеб стран и народов в метаисторическом контексте принимает тотальный характер. Метаистория трактуется как завершающая стадия развития современной цивилизации. Экологические катастрофы, природные катаклизмы, распад государств и смещение границ, войны, террористические акты, экономический кризис, этническая и религиозная нетерпимость, всевозрастающее несоответствие между бедными и богатыми – сегодня это и многое другое определяет апокалиптическое мировоззрение большинства. В прошлом устойчивая оппозиция цивилизационный прогресс или «закат Европы» распадается, прочно утверждая мифологему всеобщего уничтожения, сопровождаемую разве что вопросом места и времени грядущей катастрофы. Симптоматика подобного рода умонастроений что называется «витает в воздухе» – все указывает на будущую катастрофу. Показательный пример – массовый интерес к предсказаниям «конца света» (дата: 21 декабря 2012 г., к примеру).

Столь масштабные, в сущности, концептуальные сдвиги в сознании современного человека провоцируют явления, кардинально моделирующие социально-экономическую, политическую, культурную, национальную и религиозную карту планеты. Человечество, окруженное эсхатологическими предзнаменованиями, симулякрами исхода «не находит места»; массовое переселение, рассеивание по миру – эмиграция – показатель глубоко внутренних трансформаций в истории планеты, намечающих большие перемены. Эмиграция – энергия перемен.

Метаисторическая фаза – фаза заката, крушения мира и т.п. определяет природу эмиграции сегодня. Это в полной мере сказывается в письменном выражении, в котором осмысливается природа эмиграции. Цель настоящего исследования заключается в репрезентации художественных представлений об эмиграции в метаисторическом контексте. В таком ракурсе наиболее актуальными представляются аспекты, получившие свое отражение в художественной, в частности, украинской литературе:

- **пантеистический аспект**: извечно подвижный космос, звездное небо, миграция веществ в недрах земли, расширение и сужение жизненного ареала во флоре и фауне – все предопределяет интенцию передвижения людей и этносов, пересечения ими границ, осваивание новых мест проживания. Процессы эти содержат в себе моменты раскола, разрыва, расставания, упадка, гибели и возрождения. Тут эмиграция – в «природе вещей». Показательный пример – роман С.Жадана «Ворошиловград», один из главных, обозначенных, но отсутствующих как действующее лицо героев которого – вынужденный эмигрант, покинувший

Украину из-за произвола властей и криминала. Само название текста задает своеобразно реверсную рецепцию: восприятие микро и макромира как целого посредством «путешествия в прошлое», многообразно явленного в настоящем. В таком понимании, с одной стороны, можно говорить о переселении в прошлое по каналам памяти, когда все окружающее подает сигналы из бывшего, возвращает в прошлое. Настоящее, с другой стороны, – кодифицированное минувшее как своего рода «программное обеспечение» всего, что происходит и произойдет, что открывается при условии соблюдения топографической чувствительности и особой, ментально зрящей пространственной рефлексии: «Если верно выбрать место, иногда это можно вдруг почувствовать – как, скажем, переплетаются корни, как текут реки, как наполняется океан, как в небе пролетают планеты, как по земле перемещаются живые, как в потустороннем перемещаются мертвые» (здесь и далее перевод – А. С.) (Жадан 2010: 234) – во вселенной все проникнуто токами перемен, сменой мест, освоением пространств. Определение «верного угла» (В. Хлебников) в отношении к вмещающему живую и неживую природу пространству – основание в чем-то особого, пространственного зрения. «Пока мы не видим собственную суть пространства – читаем у М. Хайдеггера – речь о каком-то художественном пространстве тоже остается туманной. (...) Простор есть высвобождение мест. В просторе и сказывается, и вместе таится событие. (...) Место всякий раз открывает ту или иную область, собирая вещи для их взаимоотношенности в ней» (Хайдеггер 1991:96-97). Именно в пространственном зрении, моделирующем и художественное пространство, природа у С. Жадана открывается как мигрирующее сущее; в его наблюдении можно «увидеть то, чего ранее не видел» (Жадан 2010:259) падение звезд, перелет птиц, пересечение животными границ, снование бесплотных материй, перемещение теней в чужую страну, нашествия змей, прорастание через грунтовые массы корней, устремления пауков и лисиц «пересечь последнюю черту, что отделяла их от неведомых территорий» (Жадан 2010:259). В таком по сути мифологическом мигрирующем художественном пространстве пантеистический план органично наслаивается на антропологический: природа принимает черты человека («Со звездного неба сделана твоя голова. Из лунного сияния сделан твой правый глаз, из солнца – левый. Из комет и небесных камней сделаны твои зубы» (Жадан 2010:318). Однако если вечное становление космоса в «Ворошиловграде» самобытно, самодостаточно и вневременно, то постигаемое человеком динамично видоизменяющееся мироздание соизмеримо с понятиями пустоты и забвения. Но и пустота и беспомыслие соразмерно сопровождается и уравнивается ожиданием любви и спасения. Здесь, пожалуй, оправданно говорить об амбивалентной метаисторической природе художественно актуализируемого пантеизма в его отношении к явлениям миграции/эмиграции. И тут память как вместительница свершившегося, коллективных и лично пережитых историй оказывается квинтэссенцией исторического пути, всех историй, что полагают собой проекцию будущего. Об этом в джазовой композиции из романа «Кто стоит на причалах и рейдах, продолжая солнце?»: «В памяти остались города, из которых нас вывезли //

старыми вагонами. (...) // Нам так легко делиться прошлым. // Жизнь – это машина, которую сделали для нас, // и мы знаем, что бояться этой машины не стоит. // (...) И все, что ждет нас – пустота и забвение, // все, что ждет нас – любовь и спасение» (Жадан 2010:382-383);

- **антропологический аспект**: внутренний человек в его нередко противоречивом, частоклиническом неравновесии – потенциальный эмигрант. Психическая неустроенность – это начальное звено в цепи эмиграционных мотивов. Внутренняя эмиграция принимает порой самое неожиданное выражение – шизоидное, эротическое, маргинальное и пр. Возникают изоляционистские, протестные и прочие краевые формы мышления, генерирующие эмиграционные сигналы и стимулирующие при том устойчиво депрессивные, суицидальные, эсхатологические представления. Скажем, в романе «Пафос» В. Ешкилева, сюжетный объем которого включает в себя среди прочего и историю эмиграции в Израиль. Однако, заурядный случай из жизни украинских женщин на «земле обетованной» – только внешний контур эмиграционного существования в ситуации суицидального напряжения, когда все, сопряженное с переселением в чужую страну преисполнено знаками катастрофы: «...общество, в котором всевласть ментов называют демократией, мафиозную тусовку – государством, воровство – реформами, маячню пьяных неуков – духовностью, не имеет будущего. Все там обречено на катастрофу. Вопрос лишь в ее сроках...» (Ешкилев [on-line]). Очевидно, что грозящая отовсюду трагедия не может не вызывать «естественного» осознания жизни и эмиграции, в частности, как самоубийства. Отсюда у В. Ешкилева органичность парадигмы эмиграция – суицид, в границах которой личная история (неудавшейся) жизни сопряжена с пафосом вселенского Хаоса и конца всех и всяческих историй: «Я там (в Украине – А. С.) через день плакала и тут через день плачу. Почему? За что?... Я, когда уезжала, это было будто самоубийство. (...) Это было классное самоубийство» (Ешкилев [on-line]). Заметим, что в последней фразе сочетание определения превосходного качества («классное») и действия самоубийства, если не говорить о постмодернистских клише, несколько неожиданно. Суицид в превосходной степени – нонсенс, возведенный до уровня философии и искусства. Именно с этой точки зрения в дальнейшем и рефлексировал автор, развивая суицидально-эмиграционную линию, утверждая, что самоубийство (мысленное или осуществленное) – «... Послание о неполноценности жизни вообще, о неблагодарности и жестокости близких, о неизбежности оплаты всех авансированных нам радостей бытия, о безжалостности или равнодушии любимого существа (...) об Изгнании из воображаемого мира (...), о несправедливости Творца ...» (Ешкилев [on-line]). И тут, в «Пафосе», изобилующем всевозможными реляциями и ссылками на «авторитеты», жизнь как катастрофа и самоубийство переносится посредством цитации Р. Барта на театральные подмостки, причем, в риторике эмиграционного – пограничного – и богоборческого мышления: «Замечательный исследователь границ человеческого-слишком-человеческого Ролан Барт так описывает создание Послания: «Я беру на себя роль: я тот, кто будет плакать, и эту роль я буду играть перед собой – и от нее я плачу: я сам себе собственный театр. (...) Суицид, таким образом, оказывается чем-то большим, чем событие. (...) Это религия смерти как

осознанного выбора. Это вызов Творца животной тварью: «Ты сотворил жизнь, а я сотворю смерть и уравняюсь с Тобой!». Здесь антропологический ракурс развернут в онтологическом пространстве, вследствие чего и эмиграционная синусоида движется по двойным и двойственным (антропология и онтология) путям. Показательно, что театрализация эмиграционно-суицидальной идеи принимает у автора «Пафоса» и психопатологический характер с явными признаками шизоидного мировосприятия и поведения. Но прежде, предваряя фрагмент из романа, сошлемся на точку зрения классика психиатрии Р. Лейнга, так определяющего понятие «шизоидный»: «Термин «шизоидный» относится к индивидууму, тотальность чьего опыта расщеплена главным образом двояко: в первую очередь существует разрыв в его отношении с его миром, и, во вторую, уязвлена цельность его отношений с самим собой. Такая личность не способна испытывать себя «вместе с» другими или в мире «как дома» (Лейнг 1992:167). Разделение с другими (симптом инаковости, чужести) и необычный способ возмещения Родины/дома характеризуют одну из героинь романа, «истовую трансмигрантку и германofilку», что промышляет в борделе вблизи Вены, избрав для себя «трахаться только с украинцами, курвам на удивление. После оргий писать послания родным, интересуясь их язвами и количеством жуков на огородах. (...) И неожиданно лет через двадцать, когда уже никто не будет в тебе узнавать чужую, проснуться на рассвете, обзвать всех по-украински опять же всем на удивление и, не снимая с себя наряд путаны, пуститься в путь в намерении не возвращаться, поражая тех, кто не знал, что собрание жуков содержит в себе силу возвращения» (Ешкилев [on-line]). Здесь жизнь в эмиграции парадоксально предопределена режиссурой «исполнителя роли», «действующего лица», заблаговременно задавшего нетривиальное и во-многом шизоидное сценическое решение, как-бы производное, но и не тождественное небезызвестному – «мир – театр»;

- **социальный аспект:** великое переселение с континента на континент, из неблагоприятного государства в относительно благополучное кардинально трансформирует демографическую, культурную, религиозную, политическую структуру принимающего эмигрантов общества. Как следствие – напряженные взаимоотношения аборигенов и пришельцев, возникновение границы («свой – чужой»), конфликты, образование автономных анклавов, определяемых принципом вероисповедания (скажем, феномен исламизации европейской цивилизации), заметно деформирует традиционные институты, нарушает социальный баланс. Тут эмиграцией программируется «вавилонское» развитие современной истории. С этой точки зрения показателен один из ранних романов Ю. Андруховича «Московиада». Эмоциональный строй текста передает атмосферу крушения Империи в самом центре («сердце Родины») – в Москве. Эпоха развала СССР, глубочайшего социально-экономического упадка, кардинальных геополитических трансформаций воспринималась многими в апокалиптическом измерении. Событие упадка и всеобщий эсхатологический нерв передается в типично эмиграционной рефлексии главного героя текста украинского поэта Отто фон Ф. Всем и всему чужой «в семиэтажном лабиринте посреди ужасной столицы, в загнивающем сердце полусуществующей Империи. (...) хребтом чувствовал как трещат все ее швы, как разбегаются во все

стороны страны и народы, каждый из которых ныне целый космос, или, по крайней мере, континент» (Андрухович [on-line]). В художественном сознании открываются явные знаки упадка теперь уже иллюзорной, но оттого еще более загадочной, едва ли не мифической Империи, гибель которой по своим масштабам и восприятию – конец мира. Во множестве этих примет рельефно актуализируются несколько: тотальная умственно-психологическая деградация, типично имперская агрессия к соседним, «братским» народам, катастрофическая нехватка алкогольных напитков.

Последнее особенно показательно. Казалось бы обычная ситуация социального значения, «злоба дня», вырастает у «Его Королевской Милости» (Андрухович [on-line]), как себя именует Отто фон Ф. до масштабов вселенского, трансрелигиозного порядка, соизмеримого с процессами крушения мироздания, смертью человека (убийства в водочных очередях) и распада государства: «... впервые в российской истории – не хватает (водки – А. С.) на всех. (...) Водка стала абсолютом, священной целью, небесной валютой, чашей Грааля, алмазами Голконды, золотом мира» (Андрухович [on-line]). При этом, социальные потрясения, вызванные дефицитом «продукта первой необходимости» автор развивает в иронично-трагедийном мировоззренческом фокусе поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки», оказавшей, заметное влияние на Ю. Андруховича. В связи с недостаточностью спиртного открывается прямая перспектива последнего бунта и полного исчезновения (водка–человек–общество–мир), в чем-то соотносимая с упадком Римской цивилизации: «...Римская Империя погибла под ударами рабов и колонов. Эта Империя погибнет под ударами пьянчужек. Когда-то они все выйдут на Красную площадь и, требуя пива, двинутся на Кремль. По ним будут стрелять, но пули будут отскакивать от их заспиртованных непробиваемых грудей. Они все сметут» (Андрухович [on-line]). Картину народного гнева можно рассматривать в качестве художественно актуализированной и специфично переосмысленной философы «восстания масс» (Ортега-и-Гассет), центральное место в которой занимает собирательный образ Пролетария, Рабочего, социальная энергия которого, всех и каждого – энергия космоса. Неожиданность, известная парадоксальность народного бунта у Ю.Андруховича только на первый взгляд поражает причинами его порождающими. «Однако восстание Рабочих – как пронизательно замечает Э. Юнгер – не будет чемто бесцветным и вторичным, подобно раствору, приготовленному по устаревшим рецептам. (...) революционные средства, которые узаконивает Рабочий, значительнее абстрактно-духовных, поскольку они имеют предметную (курсив – А. С.) природу» (Юнгер 1991:224). В «Московиаде» в качестве предметного раздражителя и глубинного источника социальных волнений масс является водка, что в метаисторическом коллективном сознании принимает статус Абсолютной ценности, перед которой все остальное представляется искусственно привнесенным. Пьющая нация в таком, сказать бы революционно-религиозном статусе, – движущая сила метаистории и поэтому «империям следует своевременно позаботиться о своих пьяницах. Не воевать с ветряками либерализмов и национализмов, не охотиться на ведьму религиозности или на эфемерность правозащитников...» (Андрухович [on-line]).

Что же до охватившей убывающий имперский мир национал-патриотической и мессианской риторики («Глазами тысячелетий смотрит на нас космическая миссия Державы» (Андрухович [on-line])), то ее эпидемия оценивается автором «Московиады» как всеобщая интеллектуальная деградация, особенно поразившая круги т.н. художественной интеллигенции. Именно им, представителям «творческих профессий» в эпоху заката свойственно утешение потерявшими свой изначальный смысл представлениями, переродившимися в симулякры. Бессмысленность и некоторая комичность повального увлечения можно сказать риторикой спасения, как бы, последним (иных нет) у края бездны аргументом явлена в следующей псевдомессианской смысловой какофонии: «Духовность! – ответил ты. Православие, монархия, духовность, народность, партийность... Самодержавие, братолюбие, чаепитие...» (Андрухович [on-line]). То есть, метаистория у Ю. Андруховича порождает феномен «последнего слова»; взятое из прошлой традиции, наделявшей особым, сакральным значением каждое из понятий, на стадии распада и диффузии ценностей употребление «последнего слова» – мимикрия великодержавности, иллюзия исторической перспективы. Так, в девальвации тотально распространенной метаисторической семантики, семантики конца времени, автор словно дезавуирует саму действительность: исчезновение смысла, смерть слова – это не просто одно из знамений конца истории, но в телесно-чувственном отношении это разложение самой реальности. Заметим, кстати, верность художественной рецепции Ю. Андруховича, воссоздающей «дух конца времени», подтверждаются и другим наблюдениями, аналитическими представлениями. Скажем, в одном из интервью «последний философ» минувшего века М. Мамардашвили, так оценивал ситуацию демагогических, ничего не значащих и даже губительных словопрений общеупотребительного характера. Причем эта оценка непосредственно сопряжена с мыслью о том, что последние годы советского государства отличаются такой едва ли не метафизической практикой словоупотребления, что претворяет реальность в ирреальность, действительность в фантом: «Сознательность», «духовность» – это все из словаря «зомби» или некоей монгольской орды, которая выжгла пространство страны словами «план», «морально-политическое единство народа» и тому подобными прелестями, инсценирующими какое-то ритуальное действо вместо реального действия и жизни. (...) Так вот я утверждаю: судя по тому, что я вижу сквозь эту морализаторскую кашу, душащую любую мысль, этой действительности нет, реальность просто отменили, испарили ее. (...) Я уж не говорю о том, что нет и империи» (Мамардашвили 1990:203-204). Заметим, что эти наблюдения, философ вынес после одного из последних партийных съездов, на котором многие выступающие говорили на «каком-то странном, искусственном, заморализованном языке» (Мамардашвили 1990:201). Так, деструкция языкового поля в глубинном смысле может расцениваться в качестве первейшего признака распада государственности, конца истории и перехода в новую – метаисторическую – фазу развития.

На этом этапе, особенно остро возникает вопрос межнациональных отношений, диалога исторически близких, но и ментально разных народов,

проживающих в одном мегагосударстве. Крушение последнего, как это иллюстрирует Ю.Андрухович, влечет за собой межэтнические распри и великодержавный шовинизм, сказывающийся, среди прочего, как в обыденной обстановке (застольные беседы, выяснение национальной принадлежности и т.п.), так и в сфере художественных коммуникаций. Показательный пример – лирика периода упадка, насыщенная колоритным выражением откровенной агрессии, державной фразы и неприкрытых инвектив. Притом, казалось бы, дикая эклектика подобного рода стихов как выражения времени распада в интерпретации автора «Московиады» вполне органична, триедина. Явная же реляция с одним из российских императоров, Николаем Первым и актуализация мифологема Рима только подчеркивает момент великодержавности в эпоху кризиса: «Серия «Русская идея». Основана в 19... г. Николай ПАЛКИН. Расплела косу береза. Новые стихи. Издательство Третий Рим. На обложке изображена береза, перечеркнутая звезда Давида и очень даже живой двухголовый орел... Пока Ваня беспрерывно глаголит, то есть цитирует и шутит, успеваешь прочесть первую строфу:

Россия кровью изошла
За что, скажите, Бога ради,
Терзают Русского Орла
Иуды, стервачи и б(...)?!

С чувством возрастающего кайфа переходишь к следующей:

За что, Прибалтика, скажи,
Святую Русь так ненавидишь?
Замри, Эстонь! Литва, дрожи!
Ты русский х(...) еще увидишь!
(Андрухович [on-line]).

В целом, в поэтическом созерцании внутреннего эмигранта Отто фон Ф. социальная сторона жизни в ее столичной, имперской емкости этапа перехода истории в метаисторию открывается в свете эсхатологических превращений;

- **онтологический аспект:** эмиграция – поиск лучшего, запредельного, идеального мира, соотносимого с несовершенством мира людей (мифологема «земли обетованной», «утраченного (обретенного) рая» и т.п.). На этом уровне стремление к переселению обуславливается внутренней полярностью относительных («земных») и абсолютных («небесных») модусов существования (быта и бытия) в канун «последнего дня» и Суда как конечной стадии метаистории. Говоря об онтологическом проявлении миграционного феномена в контексте конца истории, обратимся к творчеству Э. Андиевской – одной из наиболее заметных фигур т.н. нью-йоркской группы украинских литераторов. Ее «Роман о предназначении человека» – произведение метаисторического идеологического формата. Главный, структурообразующий смысловой центр этого текста – безусловное сопротивление злу, непримиримая борьба добра со злом, энергии Света с силами тьмы. Тут, гово-

ря об онтологическом статусе метаисторического романа Э. Андиевской (именно в таком истолковании, на наш взгляд, следовало бы рассматривать жанровую модификацию произведения), стоит конкретизировать явление метаистории в ее апокалиптической перспективе, нами воспринятую в формулировке С. Аверинцева: «взрыв истории и ее и переход в метаисторию, последнее сражение добра и зла и «тот свет» (Аверинцев 2004:99). Сюжет и стиливая специфика «Романа...» в высшей степени своеобразны: история судеб и взаимоотношений украинских эмигрантов в западном мире раскрыта в мозаике картины мира – в многообразии вселенских процессов и законов. Вынужденные (вслед второй мировой войны) переселенцы авторским произволом воссоединены в одну большую украинскую семью, окрыленную идеей национального спасения и противостояния мраку. Число героев сочинения поражает: можно говорить о беспримерной в истории мировой литературы концентрации, типологии и характерологии действующих лиц. Заметим, что герои названного текста отличаются всеми признаками мифологических персонажей и свойствами мифического мышления: они наделены талантами переселения во временах, пересечения пространств, освоения фантастических методов войны с силами тьмы – в постоянном и категорически необходимом средстве с Украиной.

Основной посыл преобразования и спасения мира, что в прямом и в переносном смысле «на границе» – национальная идея. Спасение мира непосредственно сопряжено со спасением Украины и каждого украинца. В частности, повествуя о всевозможных новациях, направленных на укрепление позитивных сдвигов во вселенной, автор, в числе другого, предлагает избавление от зла посредством гармонизации своего организма, избавления тела, души, ментальных основ от гибели: «Сколько же в человеке энергии, и почему на каждом уровне сознания эта безликая энергия, имеющая быть добром, от малейшего дуновения заряжается чугунозубым злом...» (Андиевская 1992:203). Больше того, автор воссоздает физиологически-космогонический процесс противоборства человека с мощью темного мира. Один из героев произведения, зараженный относительно невинной страстью чрезмерного и хронического употребления крепких напитков – Славко – наделен способностью экстраполяции в космическом масштабе. Совмещение индивидуально телесного и абстрактно вселенского – отличительная черта мирозерцания персонажа, сознающего свою ничтожность и удивленного своим назначением: «... это световое поле, что ярко так проясняется на графитовых окоемах небес – это судьба мира и, одновременно, и его, Славка, судьба, как и судьба всего украинского народа, а вместе и всего человечества, и оно пульсирует в его взоре, давая понять, что он мизерная, никому не нужная песчинка, наделенная узким интеллектом и никак не осознающая ... почему именно она, а не кто-то достойный обладает силой воздействия на это поле, от чего зависит развитие мировых событий... и кто он такой, чтоб влиять на судьбы мира?» (Андиевская 1992:160).

Наделяя героев романа поистине воинскими достоинствами в их противостоянии силам тьмы, Э. Андиевская посвящает читателя что называется в тонкости, в нюансы психологического порядка, особенности стратегии и тактики этой борьбы. Так, Федор Безручко, центральный персонаж произведения, обладает

умением преодоления времени и умственного распознавания не только света, но и ада. Можно сказать, что Безручко – это своего рода предводитель светлого воинства, его идейный вождь, познавший и силу и слабости воплощения зла. Живописуя первую битву героя с сатаной (подобия которого зверствуют в Украине, высылая невинные жертвы в лагеря Сибири и Мордовии), автор особое внимание уделяет деталям, в частности, говорит об извергаемом мраком специфичном запахе или о физиологических особенностях врага рода человеческого. Тут телесность обретает свое метафизическое и одновременно физическое выражение: «... метнул нож в средину вихря и, уже падая в отвратительном потоке гнойно-фиалковой крови. ... что брызнувши из глубины вихря, свалила с ног, но Федор, не успев сомлеть, все же запомнил тот осиянный меч, поразивший малейшую клетку тела и превративший его совсем в другого: и он, Федор, хоть на мгновение остановил духа тьмы, впервые встретившись с глазу на глаз со злом» (Андиевская 1992:142). Столь чудное превращение устроено не только волею высших сил, но и тем внутренним потенциалом, что концентрирует в себе полузабытый опыт неисчислимых поколений рода и человечества. Из этого опыта следует, что сила дьявола стоит исключительно на человеческой боязни и «зло не терпит, когда с него срывают личину, распознавши, что оно и в самом деле существует и пытается ликвидировать слишком прозорливых свидетелей, чтоб человек не только никогда не догадался, но даже и не осознал своего назначения, ради которого... и запущены с нуля в движение все галактики с мирами и антимирами...» (Андиевская 1992:143). В такой транскрипции метаисторическое поле расширено до космических масштабов – телесно осуществленный микромир (человек – песчинка) и макромир (умопостигаемое и неосознаваемое сущее) включены в план последней битвы светлых и темных энергий; в масштабе битвы особое, если не центральное место занимает история человечества и душа человека, вовлеченная в сражение на той или другой стороне.

Поэтому доминирующая идеологема повествования Э. Андиевской реализуется в размышлениях о действительно высоком и, пожалуй, единственном назначении человека: «каждому человеку суждено решать судьбу всего мира, разве что он об этом не догадывается, пока само Провидение в сердцах подтолкнет ленивую креатуру к свету...» (Андиевская 1992:158).

Заметим, что столь грандиозная миссия насельников планеты артикулируется, среди прочего, и в русле национальной идеи. Спасение земли и всего мира зависит не просто от решающего исхода борьбы добра со злом, но и от таких казалось бы периферийных событий как сохранение этноса, развитие его культуры, в целом – спасение духовно-генетического национального кода. Ведь, будучи неотъемлемой частью вселенной, нация, ее духовные кладовые содержат в себе и воплощают программу гармонизации космоса. Однако же в контексте истребляющего противостояния, в ситуации пока еще не выясненного исхода битвы со злом и уже у предела окончательного, в полном смысле метаисторического решения этой борьбы, автору приходится вновь и вновь активировать вопрос национального сохранения. При этом, возрождение народа обуславливается и в ракурсе превратного мнения о национализме как крайне агрессивном проявлении мироощущения: «... некий

украинский сдвиг, являющийся пусть даже микроскопичным шагом вперед, – ведь разве вселенная не творение с нуля? – до самостоятельности Украины... национальное самосознание – это не людоедская фикция, не терпимая к чему-то иному – людоедство начинается там, где кончается терпимость...» (Андиевская 1992:169). Ведь истребление какого-либо народа влечет за собой и гибель космоса.

Личностно пережившая времена репрессий и голода, пусть даже в годы детства и юности, Э. Андиевская включает в текст реалии минувшего, переносит их в эмигрантскую среду, что также заражена просоветской, пагубной пропагандой – при том, что в глобальном измерении речь на самом деле идет о возможно последней возможности избежать полного исчезновения человека и мира. Так, повествуя о судьбоносном изобретении Федора Безручка (волшебная емкость/выварка), автор отмечает: «... это изобретение, неразрывно связано с обновлением всего человечества, духовным перевоплощением человека, а вместе с тем и независимостью Украины, как предусловия внутреннего очищения, так как иначе никогда не установится равновесие между светом и тьмой, что зажала мир в кровавые тиски» (Андиевская 1992:126). Катастрофичность этого ведет к свертыванию мироздания и, как итог, к самой окончательной стадии истории – Судному дню, что, собственно, и отвечает логике метаисторического сознания.

Но если и далее следовать этой логике, в сознании реципиента и, что, вероятно, актуальней, автора, возникает т.н. перформативный аспект. Ведь написание художественного текста кроме всего эстетически значимого содержит в себе и жизнестроительные тенденции – тем более в метаисторическом сознании писателя. «Роман о предназначении человека» Э.Андиевской в полной мере отвечает типологии и, главное, идеологии перформативного высказывания. Некогда высказанное Д. Остином (Остин 1986) суждение о перформативности речи получила самое разнообразное толкование – начиная с того, что Библия это книга-перформатив (Грязнова [on-line]) и завершая тем, что каждый текст в некотором смысле перформативен. Однако существует категория текстов, в основу которых изначально положены мотивы переустройства человека и жизни. К этой категории относится и произведение Э. Андиевской, главное, можно предположить, назначение которого как раз и состоит в идее переустройства действительности. Тут слово оказывается действием: в целом весь лексический состав, стилевая стратегия (в данном случае весьма своеобразная, требующая, несомненно, своего истолкования) и само смысловое наполнение подчинено замыслу преобразования и улучшения мира. Но и всего в «Романе о предназначении человека» воспроизведен сам процесс, можно сказать механизм воздействия человека на человека: «... достаточно ему коснуться пальцем своей груди, и эта внутренняя слепая сила мощнее чем из пожарной кишки ударит из его нутра в нутро другого, пренебрегая медлительными способами человеческого взаимопонимания... в эпицентре всемирного конца... что также содержит в себе и начало нового существования» (Андиевская 1992:159). Так, в соотношении микро и макрокосмоса, в сопряжении трансцендентального и телесного, в связи национального, психофизиологического, духовного и вселенского

происходит осмысление истории, но уже в новой, онтологически воспринятой метаисторической перспективе.

Обозначенные аспекты далеко не исчерпывают потенциал эмиграционной художественной мысли в украинской письменности. Ведь распад советской империи и образование независимого украинского (как и другого на постсоветском пространстве) государства – проект «конца и вновь начала» (Л. Н. Гумилев), продуцирующий рефлексии завершения бытия и открытых вдруг перспектив.

Полагаем, что современная цивилизация, ее геополитические и социокультурные горизонты, пронизанные миграционными путями и одушевленные эмиграционными судьбами, генерируют исключительно пограничную рефлексии, тем более в канун всеми предощуяемого события возможно давно уж длящейся третьей и вероятно последней мировой войны как предтечи конца одной и начала новой истории.

Литература:

- Andrievska E. *Roman pro ljudske priznachennja*. К., 1992 (Андієвська Е. *Роман про людське призначення*. К., 1992).
- Andruhovich J. (Андрухович Ю.) on-line: http://lib.aldebaran.ru/author/andruhovich_yurii/andruhovich_yurii_moskoviada/
- Averincev S. *Poetika rannevizantijskoj literatury*. SPb., 2004 (Аверинцев С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. СПб., 2004).
- Grjaznova J. (Грязнова Ю.) on-line: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/grjaznova_analis/
- Xajdegger M. *Iskusstvo i prostranstvo. Samosoznanie evropejskoj kul'tury*. М.: 1991 (Хайдеггер М. *Искусство и пространство. Самосознание европейской культуры*. М., 1991).
- Lejng R. *Rassheplennoe Ja (Ekzistencial'noe issledovanie dushevnogo zdorov'ja I sumasshedstvija)*. *Logos*, #3, 1992 (Лейнг Р. *Расщепленное Я (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия)*. *Логос*, №3, 1992).
- Mamardashvili M. *Filosofija dejstvitel'nosti. Kak ja ponimaju filosofiju*. М., 1990. (Мамардашвили М. *Философия действительности // Как я понимаю философию*. М., 1990).
- Ostin J. L. *Slovo kak dejstvie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Вып. 17. Teorija rechevux aktov*. М., 1986. (Остин Дж. Л. *Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов*. М., 1986).
- Juger E. *Rabochij. Gospodstvo i obraz. Inostrannaja literatura*, 1991, №11 (Юнгер Э. *Рабочий. Господство и образ. Иностранная литература*, 1991 №11).
- Zhadan S. *Voroshilovgrad. Kharkiv*, 2010 (Жадан С. *Ворошиловград*. Харків, 2010).

Anna Skurtul
(Ukraine)

Emigration and Metahistory

Summary

Key words: emigration, emigrant, metahistory, aspect, prose.

In the article the author makes a complex research of the fictional perceptions about emigration in the metahistorical context. The most actual are those facts that have been reflected in the Ukrainian modern literature. They are pantheistic, anthropological, social and ontological facts. The author pays attention to the performativity of the literary text but not only to its aesthetic component.

ანნა სკურტული
(უკრაინა)

ემიგრაცია და მეტაისტორია

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: ემიგრაცია, ემიგრანტი, მეტაისტორია, ასპექტი, პროზა.

ქვეყნებისა და ხალხების ისტორიული ბედის მეტაისტორიულ კონტექსტში გააზრება სულ უფრო ტოტალურ ხასიათს იღებს. მეტაისტორიას განმარტავენ, როგორც თანამედროვე ცივილაზიის განვითარების დამამთავრებელ სტადიას. ეკოლოგიური კატასტროფები, ბუნებრივი კატაკლიზმები, სახელმწიფოთა რღვევა და საზღვრების მოშლა, ომები, ტერორისტული აქტები, ეკონომიკური კრიზისი, — ყოველივე ზემოქანმოთვლილი და არა მარტო ეს, ადამიანთა უმრავლესობის აპოკალიფსურ მსოფლმხედველობას განაპირობებს.

მსგავსი მასშტაბური და არსებითად კონცეპტუალური ძვრები იწვევს ისეთი მოვლენების პროვოცირებას, რომლებიც კარდინალური ცვლილებების წინაპირობაა, რაც თავის მხრივ, სრულიად ცვლის მსოფლიოს სოციალურ-ეკონომიკურ, პოლიტიკურ, კულტურულ, ეროვნულ და რელიგიურ რუქას. მასობრივი გადასახლებები, მსოფლიოში გაფანტვა — ემიგრაცია, კაცობრიობის ისტორიის ღრმა შინაგანი ცვლილებების სიმპტომია და დიდი გარდატეხას მოასწავებს.

მეტაისტორიული ფაზა — „ევროპის დაისი“, სამყაროს ნგრევა და ა.შ. — დღევანდელი ემიგრაციის ბუნებას განსაზღვრავს. იგი სრულად აისახება იმ პროზაიკოსთა შემოქმედებაზე, რომლებიც ემიგრაციის ბუნების გააზრებას ცდილობენ. ამ რაკურსით, განსაკუთრებით აქტუალური მოჩანს უკრაინულ მხატვრულ ლიტერატურაში წარმოჩენილი შემდეგი ასპექტები:

— პანთეისტური ასპექტი: მუდმივმოძრავი კოსმოსი, ვარსკვლავიანი ცა, ნივთიერებათა გადანაცვლება მიწის წიაღში, ფლორისა და ფაუნის საარსებო არეალის გაფართოება — ეს ყოველივე განსაზღვრავს ხალხებისა და ეთნოსთა გადაადგილებას, მათ მიერ საზღვრების გადაკვეთას, ახალ საცხოვრებელ ადგილებზე დამკვიდრებას. ამ შემთხვევაში „ემიგრაცია საგნების ბუნებაა“ (ს. ჟადანი „ვოროშილოვგრადი“).

— ანთროპოლოგიური ასპექტი: ადამიანის შინაგანი ბუნება, არცთუ იშვიათად, ურთიერთსაწინააღმდეგო, ხშირად კლინიკურ ფსიქოლოგიურ არსებობაში — პოტენციური ემიგრანტია. ფსიქიკური მოუწყობლობა საემიგრაციო მოტივაციის სანყისი რგოლია (ვ. ეშკილევი „პათოსი“).

— სოციალური ასპექტი: კონტინენტიდან კონტინენტზე გადასახლება. ღარიბი და მოუწყობელი სახელმწიფოდან შედარებით კეთილმოწყობილ სახელმწიფოში გადასახლება კარდინალურად ცვლის მიმღები საზოგადოების დემოგრაფიულ, კულტურულ, რელიგიურ სტრუქტურას. შედეგად ვიღებთ დაძაბულ ურთერთობას აბორიგენებსა და მოსულებს შორის, ახალი საზღვრების გაჩენას („შენიანი“ — „უცხო“) (ს. პრიკალოვი „არ იფიქრო ფულზე“).

— ანთოლოგიური ასპექტი: ემიგრაცია, უკეთესი, მიღმიერი, იდეალური სამყაროს ძიებაა, რაც ადამიანთა სამყაროს არასრულყოფილებითაა განპირობებული (მითოლოგემა „აღთქმული მიწა“, „დაკარგული სამოთხე“ და ა. შ.) (ე. ანდიევსკაია „რომანი ადამიანთა დანიშნულებაზე“).

დასახლებული ასპექტები ოდნავადაც ვერ ამონურავენ ემიგრანტული მხატვრული აზრის პოტენციალს უკრაინულ მწერლობაში. საბჭოთა — იმპერიის ნგრევა და დამოუკიდებელი უკრაინული (ისევე, როგორც სხვა არაერთი პოსტსაბჭოთა სივრცეში) სახელმწიფოს შექმნა წარმოადგენს პროექტს „დასასრული და კვლავ დასაწყისი“ (ლ.ნ. გუმილევი), რომელიც ახდენს რეფლექსიის — ყოფიერების დასასრული და ახალი პერსპექტივების წარმოჩენა — პროდუცირებას.

ვვარაუდობთ, რომ თანამედროვე ცივილიზაცია, მისი გეოპოლიტიკური და სოციოკულტურული ჰორიზონტები, რომლებიც გაჯერებულია მიგრაციული გზებით და ფრთაშესხმულია ემიგრაციული ბედისწერით, ახდენენ მხოლოდდამხოლოდ სასაზღვრო რეფლექსიის გენერირებას, მით უმეტეს, მესამე და, შესაძლოა, უკანასკნელი მსოფლიო ომის მოლოდინით გაყდენთილ სამყაროში. ომისა, რომელიც ძველი ისტორიის დასასრულის და ახლის დასაწყისის წინაპირობად აღიქმება.